

«Пусть моя родина увидит Пласидо Доминго»

Мария БАБАЛОВА

Национальный филармонический оркестр России задумал серию концертов, которую можно назвать «голоса республик бывшего СССР в Москве». Парад оперных звезд с постсоветского пространства должны были открывать «Голоса Армении», но благородная идея с ностальгическим оттенком разбилась о быт. Большинство заявленных в концерте певцов до Москвы так и не доехали: одни сослались на занятость, другие сказались больными. В итоге на сцене Большого и едва заполненного на треть зала Московского международного Дома музыки появилась лишь одна звезда — сопрано Асмик ПАПЯН.

Асмик Папян — единственная оперная певица из Армении, которую знают и любят далеко за пределами ее родной страны. Покинув СССР в начале 90-х годов, она смогла добиться настоящего международного признания и обрести примадонский статус. Ныне выступления в лучших оперных театрах и концертных залах мира — это ее повседневная работа. В Москве певица представила сложнейшую программу из итальянских оперных арий и стилистически, без всяких звездных истерик выдержала экзерсисы молодого и бесноватого амбициозного дирижера Эдуарда Топчяна. Вопреки ужасающему аккомпанементу, Асмик Папян предъявила все свои профессиональные козыри, главные из которых музыкальность, артистичность и обаяние.

После концерта Асмик Папян дала интервью «РК».

— Какие впечатления у вас от встречи с Москвой?

— Встреча оказалась короткой и экстремальной. Была лишь одна-единственная репетиция с оркестром, с которым я никогда не пела, и с дирижером, которого никогда не видела. И вдруг такой огромнейший концерт со сложнейшей программой. Это должен был быть совсем другой вечер — с участием многих армянских певцов. Но никто не приехал. И я просто спасла концерт, взяв все на себя. Я согласилась петь только ради моей любимой родины — Армении. Я счастлива, что недавно моя страна назвала меня «Народной артисткой Армении», значит, меня не забывают. И в Москву я приехала абсолютно бесплатно. Вообще в этом сезоне это мое седьмое или восьмое бла-

готворительное выступление. Но я, конечно, по другому хотела бы готовиться к своему возвращению в Москву. Ведь я не была здесь 13 лет. После конкурса Чайковского в 1990 году, на котором я получила IV премию, я спела два спектакля в Большом театре — «Травиату» и «Севильский цирюльник», один сольный концерт в Колонном зале Дома Союзов. И все. Но именно в Москве я пела все свои прослушивания, открывшие мне дорогу в большую оперу. Запад мне дал столько шикарных возможностей, которые я не нашла бы ни в России, ни в своей любимой Армении.

— Это очень ответственно — быть международной звездой такой маленькой страны, как Армения?

— Это приятно. Я очень горжусь этим. Для меня огромное счастье, когда спрашивают: «Неужели вы правда учились в Армении?». Я гордо отвечаю: да! И петь меня научили в Ереванской консерватории, и языки я тоже выучила дома. И раз в год я обязательно даю благотворительный концерт в Ереване. Я очень хочу, чтобы в следующем году 24 апреля, в день 90-летия геноцида, не признанного до сих пор, в Армению приехал Пласидо Доминго. Я его пригласила и жду ответа. Его приезд даст этой пострадавшей стране совсем другие ощущения.

— Ваш путь вверх был долгим. Вам не жаль времени, потраченного на многочисленные конкурсы и прослушивания?

— Ни в коем случае. Все это было необходимой школой. Всем молодым исполнителям нужно бы проходить такой путь. Очень опасно, когда из начинающих певцов, которые еще и маленьких партий не спели, сразу делают звезд. Я очень рада, что у меня хватило силы воли пройти весь этот путь до конца, и поэтому я содеялась, как оперная певица. У меня огромный репертуар — 36 опер. Сейчас я пою по всему миру, во всех лучших оперных театрах.

— Сегодня расписание своих выступлений вы составляете по принципу «надо» или «хочу»?

— Поначалу я не могла позволить себе роскошь выбирать. Я начинала с двухлетнего феконтракта — положения штатной солистки Оперы в Бонне, куда меня пригласил режиссер Джанкарло Дель Монако — сын знаменитого Марио Дель Монако. В то время

В Москве прозвучал лучший голос Армении — сопрано Асмик Папян

Бонн был столицей, туда приезжали певцы первой величины. И чтобы себя проявить, надо было петь все, доказывая, как много я умею и могу. Когда мне сообщили, что Риккардо Мути хочет видеть меня Абигаиль в «Набукко» на сцене La Scala, я не могла сказать: «Поговорим об этом лет через пятнадцать». И я пела, хотя, конечно, было рано. Но благодаря этой работе для меня открылось очень много дверей.

А сегодня я стараюсь быть осторожной в выборе предложений. Хочу соблюсти баланс между лирическими и драматическими партиями, чтобы голос не утратил своей «пластичности». Сейчас я с удовольствием пою Моцарта, много французской музыки, «Травиату» Верди, «Богему» Пуччини. Я буду участвовать и в возобновлении «Жидовки» Галеви в Венской опере. А с другой стороны, я 15 лет на сцене, а, следовательно, уже настал тот возраст, когда сопрано нужен драматический репертуар, потому что одной Микаэлой из «Кармен» карьеру сделать невозможно.

— Вы ощущаете на себе жестокость сопрановой конкуренции?

— Да, но велика конкуренция и среди меццо. Сопрано еще легче, чем другим женским голосам, потому что для них существует гораздо больший репертуар. А таких сопрано, которые могут петь Норму или Аиду на высоком уровне, единицы. И первые театры за ними охотятся. Когда известно, что ты лучшая «живая Норма», как отзывались о моем исполнении в Вашингтоне, то слово «конкуренция» для тебя уже неактуально. Конечно, при условии, что ты не позволяешь себе снижать профессиональную планку.

— А почему в отличие от ваших столь же успешных коллег у вас нет записей?

— Сегодня на каждом углу можно сделать диск для «домашнего пользования», но практически невозможно попасть на международный концерт звукозаписывающей индустрии. Эта совершенно другая история, имеющая мало общего с реальным оперным театром. Но я все-таки очень

хотела бы сделать пару записей — «Норма» с классным дирижером и хорошими партнерами, и один сольный альбом, который, правда, пока не торопилось записывать. Сейчас звукозаписывающие фирмы с их высочайшими техническими возможностями мало интересуются настоящими голосами. Они выхватывают кого-нибудь из певцов помоложе и посмазливее и делают из него «приманку» года на два. Ток-шоу, фотосессии, модные показы — вот чем занимаются их избранные. А отнюдь не профессионалы. Потом найдется кто-нибудь другой, и бывшего фаворита забудут. Это очень болезненно, психологически смириться невероятно трудно. Для меня есть две категории певцов — оперные звезды и media stars. Я хочу быть оперной звездой.

— Вы довольны своей карьерой?

— Во всяком случае, я пыталась сделать честную и красивую карьеру. И до сих пор стараюсь каждый день. Но у меня никогда не было мании непременно сделать топ-карьеру. Хотя, если посмотреть на то, что уже успела, я, конечно, счастлива. Я просто очень

люблю петь и хочу, как можно дольше жить и быть на сцене. Для меня самое большое счастье — петь в хорошем театре.

— А для вас какие театры — хорошие?

— Это необязательно La Scala или Metropolitan. Я живу в Вене и Венскую оперу просто обожаю.

— Но ведь Венская опера платит мизерные гонорары...

— Мне все равно. Не все решают деньги. Есть вещи, которые оплачиваются по иному счету — аплодисменты, цветы, интересная работа. Есть скромные, но очень приятные театры, где очень важно именно пение, и где существует в хорошем смысле «культ» певца. Если работа доставляет мне творческий кайф, то за хорошими дирижерами, такими как Джеймс Ливайн, Риккардо Мути или Марко Амелиатто, которого, к сожалению, мало знают в мире, я могу пойти куда угодно. Я люблю тех дирижеров, которые умеют работать на репетиции. Пусть Мути и деспотичен за кулисами, но зато на спектакле он певца «носит на руках». Он оперный дирижер, который «дышит» вместе с певцами.

— Чему вас научил Запад?

— Дисциплине. Если я твердо дала слово, значит, так и поступлю. Чувство ответственности и пунктуальность — моя болезнь. Я всегда уважаю чужое время. Никаких опозданий и иных неожиданностей себе не позволяю.

— А правду говорят, что лучшие друзья примадонны — бриллианты?

— Не для меня. Мои лучшие друзья — это моя семья, мои родные, близкие, соседи. Самое большое призвание человека — это быть человеком. Я примадонна только на сцене, да и то только потому, что пою партии примадонн. Как я могу быть примадонной для своей мамы, в отношениях с мужем или дочерью?

— Вы бы хотели, чтобы дочь пошла по вашим стопам?

— Очень. Но пока, в три с половиной года, музыка ей совсем неинтересна. Ее больше занимают книги и картины. А сейчас она попросила меня привезти ей корону. Она хочет быть принцессой. Если у меня есть свободные пять минут, я всегда посвящаю их дочке. Я очень страдаю от того, что не могу быть с ней круглосуточно.

ИРИНА КАТЕДИНА

Полоник Асмик Папян (сopr. репертуар, сопрано)

28.10.04